

ХРАНИТЕЛЬ ЛУКОМОРЬЯ

ХРАНИТЕЛЬ ЛУКОМОРЬЯ

г. Псков
1999

84(2Рос-Рус)
Х-90

Хранитель Лукоморья. Сборник произведений псковских писателей, Псков, 1999

Автор идеи Ирена Панченко

Книга издана при участии Псковского Представительства Российского фонда культуры

ISBN 5-8330-0123-4

© **И. Я. Панченко**, состав, коллаж, оформление

Псков
1999

**200-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина
посвящается**

ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набег;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной
сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливым домик охраняй!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад, и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновенью.

А. С. Пушкин

ИРЕНА ПАНЧЕНКО

ДОМОВОЙ

Сказка

Жил да был Великий Сказочник. Как и все сказочники, он придумывал истории про все на свете: про поле и лес, про мелких птах и грозное зверье, про злых колдунов и ясноглазых красавиц, про жестоких царей и благородных героев. И как случается почти со

всеми сказочниками, его очень любил весь честной народ, зато так же сильно ненавидел царь. Ведь каково: жил себе он в свое удовольствие, а однажды проснулся – весь народ песенки распевает то колючие и злые, как шишка репейника, то зовущие не верить царю-обманщику и его помощникам..

Много постранствовал Сказочник по белу свету. Но было на земле место, куда он особенно порывался. Ведь именно там детство, а это, как известно, – самое счастливое время жизни любого из нас. Родители привезли его туда совсем мальчиком. Именно там, на высоких холмах, стояли в тени больших деревьев дома его дедушек и бабушек. А под холмами текла – и доныне течет – речка Сороть. Воды той реки, конечно, не помнят радости, шалости и проказы будущего сказочника, зато многие деревья в окрестных лесах, камни при дороге и даже цветы и травы все еще хранят воспоминания о нем.

Вы скажете: хорошо, деревья видели и слышали Сказочника – они растут долго-дол-

го. А как же цветы? Они ведь каждый год по осени умирают, а по весне всходят новые? Все правильно. Но есть такое слово – память. И те цветы, что по осени засыхают, взращивают свое потомство, семечки, и рассказывают им обо всем, что видели и слышали на белом свете. Совсем как у людей! Ведь и мы до сих пор помним и любим Великого Сказочника, хоть никогда с ним не виделись. А прошло два века с тех пор, как он жил, – целых двести лет!

Так вот. Я расскажу про Сказочника одну занятную историю.

С давних пор люди верят, что в каждом старом-старом доме поселяется домовая. Его никто никогда не видит, зато часто слышит: то за печкой нежданно кто-то поскребется, то в трубе завоет, то чашку разобьет или запрячет. Три дня будешь искать – не найдешь. А потом – глядь: стоит чашка на самом видном месте, будто и не исчезала. Это все проделки домового. Он почти как человек, только невидимый. Ему бывает скучно, вот и повеселится, зазорничает.

Как он выглядит, никто не знает. Старики в деревнях заверяют, будто на них смахивает – старенький, с бородой и обязательно в полушубке и валенках. Да как им, старым, верить? Сидят на печи, едят куличи, да небылицы придумывают от скуки. Хотя, послушайте, они все время что-то под нос себе бубнят. Может, с домовым беседуют?

Сказочник еще с детства, выходит, с домовым-то дружен был. А уж стал взрослым, так и в сказках с ним разговаривал.

Одна такая до сих пор сохранилась. Просил он в ней домового хранить от всяких бед и дом, и сад, и речку Сороть, что под окнами дома веками течет, и тучные поля, и луга заливные.

Только в тех краях – а звались они во все времена Святыми Горами – еще одно поверье существовало. Люди знающие сказывали, будто если хозяин очень дружен с домовым, то тот вселяется в какого-нибудь доброго человека и всю жизнь, а то и дольше оберегает от всех бед и напастей и хозяина, и дом его.

Да вот только не смог домовый уберечь своего хозяина, Сказочника, от лютой смерти. Да и то, где ему? Ведь приедет сказочник в родные края, поживет-поживет, да и отправится снова по белу свету счастья искать. А домовый-то при доме живет! Так уж случилось, что злые люди расправились со Сказочником за его вольные истории.

Но перед смертью просил он своих близких похоронить его на Святых Горах. И добрые люди выполнили его волю.

И с той поры на самом высоком холме под тенью старинной церкви стоит памятник Великому Сказочнику. И люди со всех концов света из века в век едут поклониться его могиле.

Так вот, про домового.

Была на земле большая война. Все порушили вороги – сожгли дома, повырубали деревья, потоптали поля, даже прах Сказочника едва по ветру не развеяли. Казалось, пришел конец всему. И тут случилось чудо: появился в этих местах один человек. Он тоже воевал с врагом, освобождал чудный край. И

война оставила на нем свою отметину: был он однорук, и лишь пустой рукав болтался на ветру вместо другой, когда он быстрым шагом измерял поля, луга и рощи, высматривая раны земные. Зато голос был у него зычный. Бросил он клич – люди услышали его. И понаехали со всех краев сюда столяры и плотники, каменщики и печники, садоводы и цветоводы – строить, убирать, лечить деревья.

И верите? Не прошло десяти лет, как возродился край, расцвел, стал красивей прежнего. Поднялись на холмах старинные дома, в которых бывал когда-то Великий Сказочник, забили в тихих местах серебряные ключи. А вдоль лесных дорожек на больших валунах вдруг сами собой появились разные надписи – и все из сказок, что когда-то сочинял хозяин этих мест. А приезжий люд читал и дивился: откуда они могли здесь появиться? И поползли по округе слухи: знать, вернулся в эти края домовой, которому завещал Сказочник беречь родные дали.

А самые-самые мудрые старики под большим секретом стали поговаривать про то, что домовой и есть тот однорукий человек, раз сумел из праха возродить красоту и сказку. А что край сказочный, в этом ни у кого сомнений нет. В народе так и называют его – Лукоморье. То, про которое Сказочник писал. Не у синего дальнего моря оно, а здесь, на земле его детства. Вот и дуб могучий стоит, где встречался сказочник с ученым котом. И цепь на нем золотая. Не верите? Приезжайте – сами увидите. Здесь и кота ученого многие встречали, только домовой сшил ему тапочки на лапы – чтобы птах не задирает, да землю не рыл под цветами. Вот так-то!

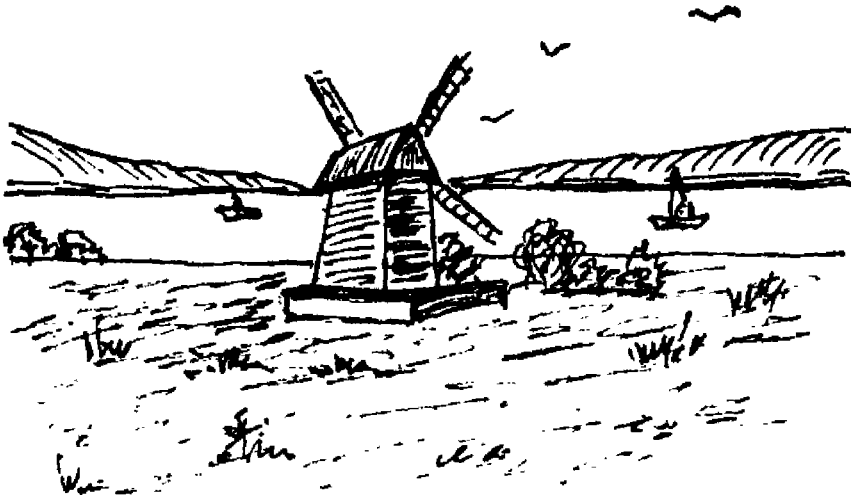
И хоть прошло время, и на другом высоком холме народ похоронил того безрукого, но и сегодня все его так называют – Домовой, Хранитель Лукоморья. Вот так. Едут люди поклониться праху Сказочника, не забывают и к могиле Домового наведаться. Кто знает, в кого на этот раз вселится добрый дух здешних мест, кто их будет оберегать от бед и напастей...

Так предания и легенды живут и живут в народе. Они переживут и нас, как пережили Сказочника и его Домового. И ходят сказки по земле, и вселяют в сердца надежду, что живы в наших русских избах добрые домовые, хранители домашних очагов, наших земель и наших душ.

2 апреля 1999

ПРИЧАЩЕНИЕ

Все люди разные. Каждый человек уникален и неповторим. Но есть люди особенные. Это – яркие личности. Они как центры галактик объединяют вокруг себя созвездия, вселенные, миры... Светят особенным светом. Притягивают особенной неповторимой силой. Живут особенной жизнью. И смерть для них не является той смертью, какой она есть для

простых людей. Они продолжают жить в памяти, в строчках, в звуках... О таких людях у меня написаны стихи:

*«Есть имена, дошедшие до нас
Певучим звоном древних колоколен.
Мы рождены, и век наш – только час;
Их век земным забвением не болен.*

*Не болен потому, что не молчат
Ни Пушкин, ни Чайковский, ни Есенин...
Их имена во времени звучат
Легендами для новых поколений...»*

Имя Семена Гейченко легко вписывается в один ряд с теми, кому посвящены эти строчки, потому что имя его и есть легенда.

Его имя было легендой для меня уже тогда, когда в 1954 году мы с моей матерью приехали в Пушкинские Горы. Она – по направлению – работать диспетчером в Пушкиногорскую МТС, а я – учиться в шестой класс Пушкиногорской средней школы.

Три года, прожитые в Пушкинских Горах, были овеяны ощущением того, что земля эта – Святые Горы, Михайловское, Тригорское, Петровское – дорога́ мне не только потому, что здесь жил и творил Пушкин, но она дорога еще и потому, что на ней живет и творит человек, который до самозабвения любит Пушкина, любит и хранит эту священную обитель и священную землю, хранит память о Пушкине, о прошлом русского народа. И, наверное, ярче и значительней личности Семёна Степановича для меня в это время, пожалуй, и не было. Он был живой легендой.

Я много раз встречал его то на выступлениях в школе, то на клубной сцене, то на пионерских сборищах, то на праздничных субботниках, то в селе Михайловском, то просто на улицах поселка. Он очень любил ребят и мы – школьники (да и учителя) – любили его, как увлекательного рассказчика, который всегда мог зажечь в глазах ребят искры любопытства и равнодушия к собственной истории, к собственным корням.

Через три года мы с матерью переехали жить в Псков. Мне нужно было учиться в индустриальном техникуме, а потом в институте. Жизнь, казалось бы, пошла по другому руслу, потекла дальше. Но в ней уже произошло причащение Русью, Пушкиногорьем, Пушкиным, Гейченко. Тем, что навсегда вошло в истоки моей собственной реки, которая однажды вынесла меня на берега чудесной страны под названием Поэзия. Много всего было на пути к ней, но речь сейчас не об этом. Я хочу рассказать о том, что куда бы меня не заносило течение жизни, если разговор заходил о местах, где я жил, и упоминались Пушкинские Горы, то почти сразу же мои собеседники называли имя Семена Гейченко. Его знали все – знаменитого на всю страну хранителя заповедника, неутомимого и страстного врача-леча старины, собирателя самоваров и другого антиквариата, уникального знатока Пушкинского наследия, который о Пушкине мог говорить часами.

Познакомились мы в феврале 1990 года, когда я с группой псковских писателей приехал выступить на днях памяти Пушкина. Торжественный вечер в Доме культуры открыл и вел сам Семен Степанович. В то время на аудитории мне приходилось выступать не часто, и поэтому я очень волновался. Выступающих было много – из разных уголков страны: Москвы, Украины, Белоруссии, Прибалтики... Это были, как правило, поэты и писатели с известными фамилиями.

Вечер затянулся, и все очень устали. Устал и Гейченко. В то время он был уже болен и иногда страдал забывчивостью. Февраль месяц не жаркий, и в зале (а мы сидели на сцене в президиуме) было холодновато. Но не для меня. Я полыхал от чувства волнения перед выступлением. Как вдруг Семен Степанович благодарит всех за внимание и бойко объявляет закрытие торжественного собрания, но, повернувшись, видит наши недоуменные физиономии. Глаза у него полезли навыкат, но мы (а не выступили только псков-

ские писатели) жестами попытались быстро успокоить его, так что зрители ничего и не поняли.

Подойдя к Гейченко я с искренним чувством радости расцеловал его, и он был тронут, но не скоро успокоился. На самом деле никто не обиделся. Но этот случай Семен Степанович запомнил до конца своей жизни. А жить ему оставалось менее двух лет. При встречах и на собраниях в писательской организации каждый раз он вспоминал этот случай и винился, говоря: «Повинную голову меч не сечет...» Но виновным его как раз никто и не считал. Кроме его самого. И в этом, на мой взгляд, одно из проявлений черты особенных людей, ярких личностей, каким и был Семен Гейченко.

С. С. ГЕЙЧЕНКО

Дорогой ты наш дедуля,
В жизни видел много зла:
Прихватила вражья пуля...
Но неправда не взяла,

Ты не просто сельский житель
На Михайловских холмах –
Созидатель и хранитель
В наших душах и умах

Необъятного богатства
Щедрой пушкинской души,
Властелин людского братства,
Чародей в лесной тиши.

На Михайловской вершине
Ты – Боян заветных струн,
Ты у нас в заглавном чине –
Был и есть святой колдун.

22 августа 1988

УСАДЬБЫ ДОБРЫЙ ДОМОВОЙ

Есть в тихом крае заповедном,
В объятях псковской тишины,
Хранитель пушкинского следа
И покровитель старины.

Преданий страстный собиратель,
Музея путевод живой,
Он – заповедника создатель,
Усадьбы добрый домовой.

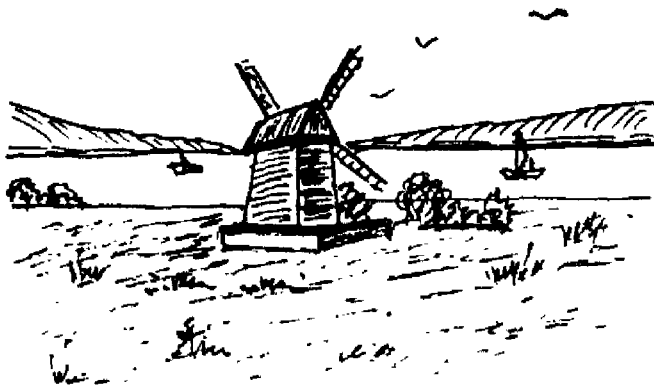
Он – живописец русской Леты,
Большой рассказчик и мудрец,
Он – голос памяти поэта
И покоритель всех сердец.

Его, конечно, вы узнали...
Да, в Псковском крае славен он.
И нужно говорить едва ли,
Что это – Гейченко Семен.

1985

ПАМЯТИ ПОЭТА

Судьба преследует поэта
Не потому, что он чужак,
И не за то,
И не за это,
А просто так,
А просто так.

Она весьма недалёковидна:
Крушит его и так и сяк...
А он уйдёт,
И сразу видно,
Что был мастак,
Что был мастак.

Что он мостил
Мостки к рассвету,
Чтоб солнцу было где шагать...
А где поэт?
Его уж нету...
Ему уж поздно
Помогать.

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

Иногда думаю: почему мы, писатели, так мало и редко пишем друг о друге? И не могу толком ответить на этот вопрос. Я благодарен Всевышнему, что тогда, в августе 1988 года, надоумил меня записать по горячим следам встречу с Семеном Степановичем Гейченко. Она произвела на меня такое впечатление, что не записать ее было нельзя.

То, что Семен Степанович человек удивительный – ни для кого не секрет. Из известных мне больших людей ни в ком так естественно не сочетаются величие и простота, как совместила эти качества матушка-природа в Семене Степановиче Гейченко. В этом я убедился лишний раз, участвуя в Пушкинских августовских чтениях, которые ежегодно проводятся в Пушкинском заповеднике в ознаменование приезда Александра Сергеевича в свое родовое имение, в Михайловское. Отмечалась 164-я годовщина этого важного события в жизни поэта.

Участники чтений – ученые, работники заповедника, поэты, прозаики, любители поэзии, одним словом, поклонники великого поэта собрались у Анастасьевских ворот Святогорского музея-монастыря. Каждый из нас получил приготовленные заранее цветы, чтобы возложить на могилу поэта. Семен Степанович Гейченко обратился к нам с приветственным проникновенным словом. О Пушкине говорить по-иному он не умел. Под перезвон колоколов мы поднялись по истертым за многие века каменным ступеням к могиле поэта. Семен Степа-

нович встал на колени и упал ниц. И теперь я вижу его распластанное в христианском почитении тело – и душа моя восторгается и требует благородного подражания, не внешнего, внутреннего подражания. Тогда я припал на колени и положил цветы и свою душу к святая святых.

От могилы поэта Семен Степанович повел нас к Братскому корпусу, чтобы открыть выставку художников, посвященную Пушкинским чтениям. Мы спустились к Братскому корпусу. Гейченко рассказал о традиции Заповедника устраивать выставки художников, чьи картины посвящены жизни и творчеству великого поэта, пушкинским местам.

– Нынешняя выставка, – говорил Семен Степанович, – познакомит вас с работами наследников художника Бенуа, с картинами художников Шретер-Фильчаковых. – Он разрезал ленточку и пригласил на выставку.

Монастырские помещения мало приспособлены для показа картин. Но даже при скромном освещении мы убедились: потомки Бенуа – люди талантливые. Даже при некотором однообразии манеры письма, каж-

дый художник обладает своим почерком. Меня особенно поразили, если можно так сказать, своей зрелостью работы самого младшего из потомков Бенуа – Петра Фильчакова.

Находясь под впечатлением выставки и комментариев Семена Степановича к ней, мы направились к Дому культуры. Возле него на площадке народа пока было немного: Гейченко, ученые филологи Иезуитовы, Андрей Николаевич и Раиса Владимировна, редактор Пушкиногорской газеты Савыгин Александр Матвеевич и еще несколько человек. На площадке вольно прогуливался козел с обрывком веревки на шее. Он по-хозяйски ходил между людьми, одного понюхает, другого толкнет рогами. И вдруг Семен Степанович пригнулся, выставил руку с растопыренными пальцами и, приняв воинственную позу, вскричал: «Бе-е-е!» Он то наступал на козла, то пятился, выделывая ногами замысловатые кренделя. Козел тряхнул головой, сделал подскок в сторону разом на всех четырех ногах, мекнул и вскинулся на дыбы, готовый сразиться.

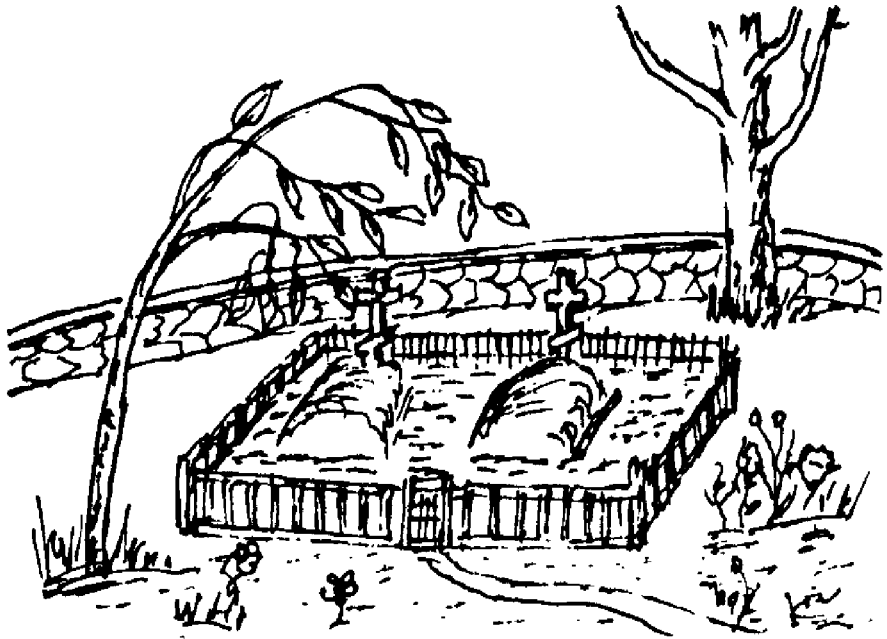
– Ай да Яшка, ай да молодец! Тоскует по нам балаган! Мы с тобой такое представленье выдали бы!.. – Семен Степанович достал из кармана печенинку. Яшка доверчиво принял ее и заработал челюстями, поняв, что представление окончено.

Это было удивительное зрелище. Почтенный старец вдруг превратился в сорванца-мальчишку и забавлялся с такой непосредственностью, что можно было только дивиться. Мы все дружно аплодировали. И тогда я подумал: вот что значит Великий Человек! Величие и простота у него рядом, лежат на одной полочке. Стоило ему руку протянуть – и он взял то, что требовалось, и щедро одарил нас. Одарил и удивил!

22 августа 1988

ДВА СТАРЦА

Меж ними был разрыв в десяток лет –
По возрасту, тем боле – по призванью:
Один – мыслитель, балагур, поэт,
Другой – сапожник без образования.

В моем дому пути пересеклись –
Донатыча и Гейченко Семена.
И потекла в застолье речь «за жизнь» –
И доверительно, и без фасона.

И песня пелась, и читался стих,
И Пушкин третьим был на той беседе.
И в рюмки наливалось на троих,
И я была нелишней на обеде.

Прошли года. С отцом нас развела
Граница. Нам бы раз в году обняться!
«Ну, жив Степаныч? Как у вас дела?» –
Не забывал отец всегда справляться.

И слал приветы. Я их все везла
В Михайловское. Сидя у постели,
С терпением я слушала слова,
А старца голос тек уж еле-еле.

Им, видно, очень важно было знать,
Что тот, другой, еще живет на свете.
Как будто сил стремились передать
Друг другу старцы в том простом привете

«Нехай живет – ты так и передай...
Еще пыхтим... Еще коптим мы небо...»
И вот передо мной – могилы край.
Был Гейченко – и нет, ушел он в небыль.

Могильный холм – конец земной борьбе.
Я возношу благодаренье Богу:
Семен Степаныч был в моей судьбе,
Давал благословение в дорогу.

И, вспоминая дней былых успех,
Я вновь дивлюсь с отцом их давней дружбе.
Не брал Степаныч на душу сей грех –
Спесивым быть или идти в услужье.

Людей он ра́вно чтит и уважал
(Хоть правду-матку резал и министрам!),
И люд разнообразный наезжал,
И был со всеми весел и речист он.

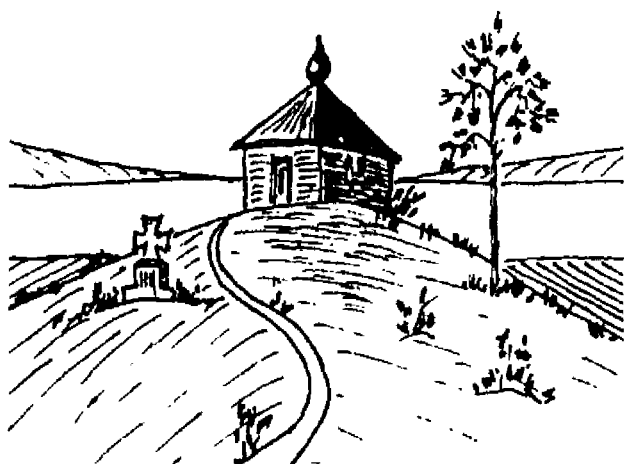
Как многим не дано из нас постичь
Дар старца – уважать чужое мнение!
Мы под себя б хотели всех постричь.
И нет от зависти отдохновенья!

1997

МИХАЙЛОВСКИЙ ВЕДУН

С. С. Гейченко

Вдали от суетной столицы,
В сени михайловских лесов,
Его приветствовали птицы
Веселым звоном голосов.

Сияла Сорочь жемчугово,
Медвяный запах шел с полян.
Берег он Пушкинское слово,
Как драгоценность россиян.

Храня старинную обитель
И святость мирную могил,
Он, как влюбленный и мыслитель,
Молитву Пушкину творил.

И, тронув Пушкинскую лиру,
Внимая звуку вещей струн,
О нем рассказывал он миру,
Как летописец и ведун.

Не зря его любили дети
И уважал простой народ...
Он вместе с нами, на планете,
В народной памяти живет...

Июль 1996

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

Памяти Семена Степановича
Гейченко

Я в снегах, как в стихах.
Я в стихах, как в снегах,
с высоты на меня нисходящих.
И в Тригорских борах
звездный кружится прах,
и в еловых михайловских чащах.

Снег и солнце вдвоем
полонят окаем
красотой – как её не зовите.
В красоте, в чистоте,
в зоревой высоте
серебристые тянутся нити.

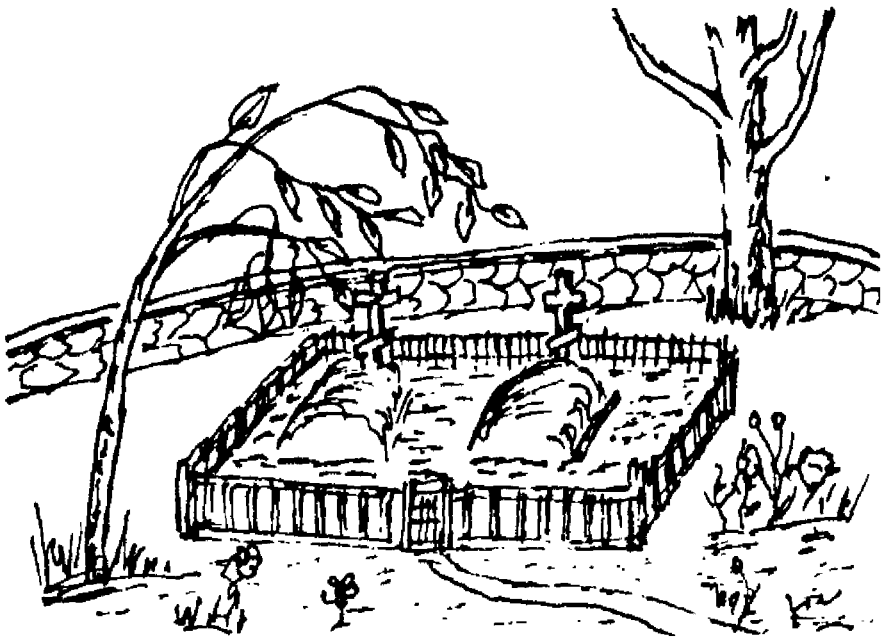
Я прошит ими весь.
Я на родине здесь,
на славянской земле заповедной.
Сосны смотрят в зенит,
и под ними звенит
каждый холм, словно колокол медный.

Синей хвоей дышу.
Надышаться спешу
силой, древнею и молодою.
В небесах, и в смоле,
и в крови, и в золе
Божья воля и русская доля.

Млечный пух, снежный день,
и крестовая тень
на высоком холме, под собором...
Святогорье моё,
Лукоморье мое! –
жизнь, омытая пушкинским взором.

У МОГИЛЫ С. С. ГЕЙЧЕНКО

Пришел я навестить твой прах
И запоздало поклониться.
Мы даже любим впопыхах.
Но стоит ли тому дивиться?

Таков наш век, и мы под стать —
И суетны, и бестолковы.
Кто-кто, а ты-то мог понять,
Какие тяготят оковы

И над душой, и над мозгой,
Над милой Савкиной горою.
Ты был, как многие, изгой,
Изгой при почестях героя.

Семен Степаныч, чародей,
Прости меня великодушно,
С небес, коль можешь, порадей
О тех, кому грешно и душно.

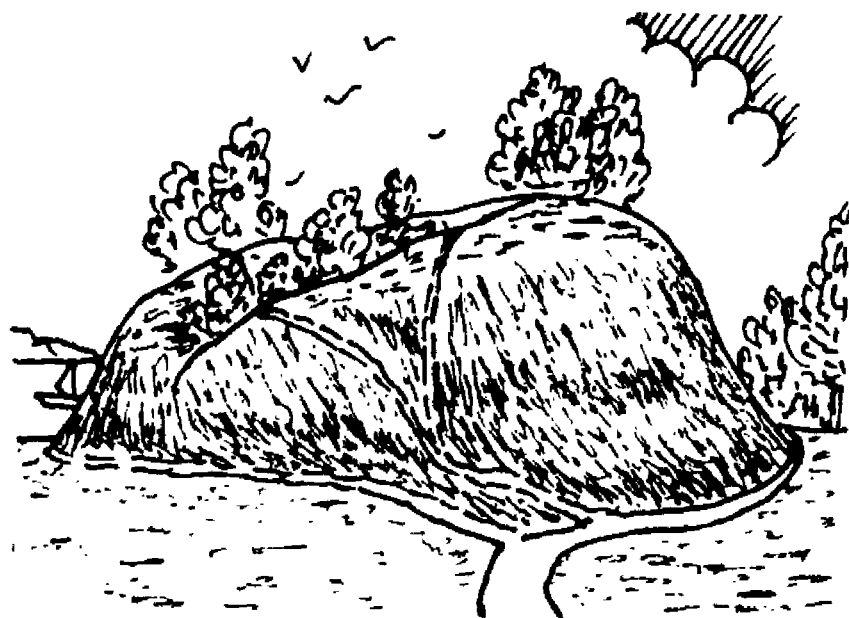
14 ноября 1993

ИРЕНА ПАНЧЕНКО

ВО ИМЯ ПУШКИНА

С. С. Гейченко

Погост. Ограда. Два простых креста.
Две тихие могилы в разнотравье.
Здесь вечная обитель неспроста
Для тех, кто жизнь провел в трудах и славе.

Семен Степаныч. Вечный балагур,
Пушкиногорья древнего сказитель,
Музейный стоик, гений-самодур
И заповедных русских мест Хранитель.

Любовь Джалаловна, мудрейшая из жен, –
Краса в чертах и гордая осанка.
Каким терпением был он окружен!
Верх бескорыстия – труд жены-горянки!

Их с нами нет. Два холмика, кресты.
Забвение... Что с нами, люди, случилось?!
Неужто в прах развеем их труды?
Ужель не сохраним? Какая жалость!

А править все по-новому хотят...
Как нет другого Пушкина-поэта,
Шумите, други, в лад или не в лад,
Но Гейченко другого тоже нету!

Не передастся гения чутье
По должности, из дружбы, по наследству.
Без пользы сплетен и интриг витье,
И не поможет с гением соседство.

Во имя Пушкина прервите мелкий спор –
С высот он зрит суетные потуги.
Мы ездили и ездим до сих пор
К Поэту и Хранителю округи.

Тех мест, где Пушкин хаживал, не счесть,
Но Лукоморье – только здесь навечно.
Отринув распри и умерив спесь,
Ушедшим гениям поклонимся сердечно.

1996

ЗАВЕТЫ

Семен Степаныча заветы
Сквозь нашу жизнь мы пронесем.
И проживем на свете этом
Одним добром,
Одним добром.

1 апреля 1999

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

ХРАНИТЕЛЬ

(Отрывок из романа-эссе «Под горой Синичьей»)

... Уходит эпоха – и уходят её главные люди.

Воронич – один из трех холмов Тригорского, над синей Соротью. Здесь – прах многих друзей Поэта. Здесь некогда стояла одна из древних псковских крепостей. В храме, кото-

рый здесь стоял, Пушкин отслужил панихиду по лорду Байрону.... Эта гора по всем статьям – почти вровень с Синичьей горой. Не каждому выпадает такая честь – обрести свой последний покой на одной из самых святых вершин родной земли. Но это – духовная высота, та высь, на которой жил и творил Семен Степанович Гейченко...

А что же дальше?

Что станет с Пушкинским заповедником на Псковщине теперь – после ухода Хранителя?

Он, как мало кто из современников наших, имел право сказать о себе: «Нет, весь я не умру». Земля прияла земное, прах, плоть, оброк сей неизбежен. А свеча духовного бытия Хранителя не погасла, ибо она – созданная им Пушкинская святыня на псковской земле. Не дай Бог исчезнуть ей. Это будет не только знаком окончательного исчезновения Семена Гейченко из нашего духовного бытия. Это будет знаком нашей общей гибели. Символом Русского Исхода. А это – уже близко к воплощению в явь...

«Тут вообще ничего не надо было восстанавливать! – утверждает один маститый пушкинист и приводит неопровержимое доказательство своей правоты, в экстазе заламывая руки: – Ведь сама природа, сами эти холмы, леса, озера и речушки – воплощение стихов Пушкина. Так зачем же тут нужно было городить все эти декорации?!»

Другой «оппонент» воссозданного Лукоморья менее категоричен, доводы его выдержаны в либерально-мягких тонах – но от того не менее зловещи. Дескать, что сделано, то сделано, не будем поминать Хранителя лихом, но... но хватит, не надо здесь больше ни к чему прикасаться. Пусть из заповедника выветрится дух надуманных излишеств, пусть рукотворное в нем стареет и постепенно становится таким, «как при Пушкине»! «Пусть заповедник тихо умирает своей естественной смертью!»

... Вот он, главный (хотя и не всем еще явный) смысл «разговоров» вокруг Святогорья: пусть заповедник умирает!

... Не из-за Гейченко, разумеется, весь этот геростратовский сыр-бор разгорелся, точнее – не из-за одной лишь его конкретной личности, и не одна лишь злобная зависть к его легендарной славе стала причиной таких «разговоров».

Дело – в Пушкине.

Дело как раз в том, что Хранитель со своими многочисленными заединщиками, соратниками, помощниками создал за несколько десятилетий не музей в узкоспециальном смысле этого понятия. Или – далеко не только музей. В глухом уголке Псковского края, где когда-то молодой русский поэт провел два с небольшим года в ссылке, возникла с в я т ы н я.

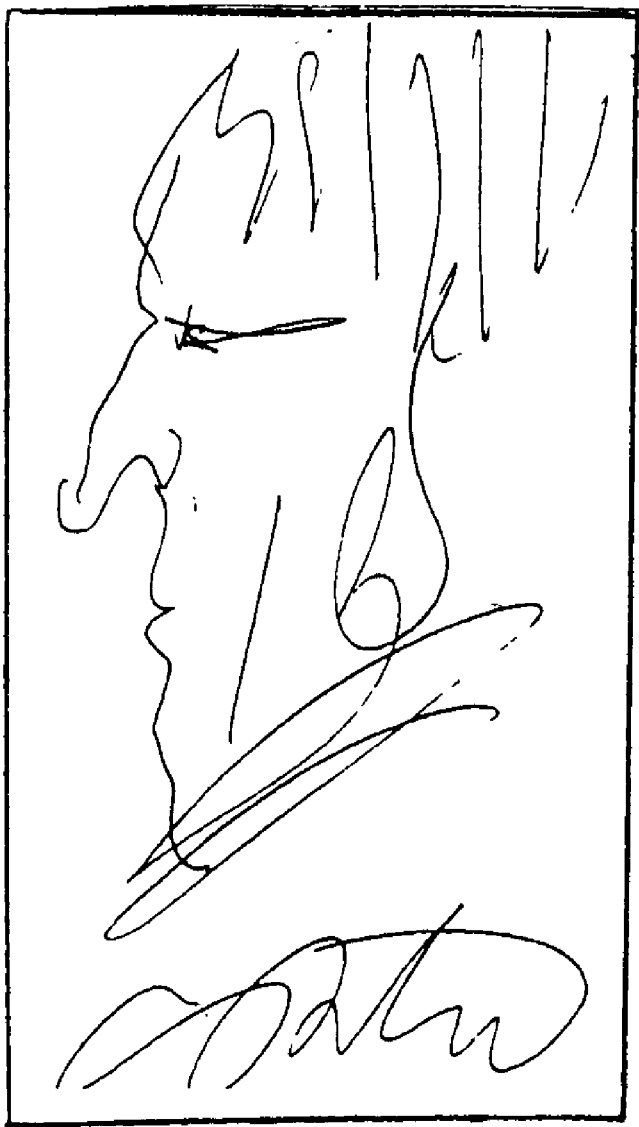
Людам, объединенным могучей и страстной личностью ученого и художника по судьбе и натуре, личностью Хранителя, удалось сотворить в Святых горах и по берегам Сороти, Маленца и Кучая жив ой о б р а з Пушкина как воплощение святой красоты и духовности России, как средостение всего, что зовется её Поэзией – в прямом, литера-

турном смысле и в общекультурном, народно-историческом значении. Удалось создать символ сокровищницы Русского Света – заповеданный нам Пушкиным.

... Храм Пушкина – только в Святогорье.

1996

Автограф С. С. Гейченко

СОДЕРЖАНИЕ

Ирена Панченко. Домовой. Сказка	5
Валерий Мухин. Причащение	13
Лев Маляков. «Дорогой ты наш дедуля...» .	19
Валерий Мухин. Усадьбы добрый домовой	21
Елена Морозкина. Памяти поэта	23
Лев Маляков. Величие и простота	25
Ирена Панченко. Два старца	30
Валерий Мухин. Михайловский ведун . . .	33
Станислав Золотцев. «Я в снегах, как в сти- хах...»	35
Лев Маляков. У могилы С. С. Гейченко . .	38
Ирена Панченко. Во имя Пушкина	40
Валентин Краснопевцев. Заветы	43
Станислав Золотцев. Хранитель	44

Хранитель Лукоморья. Сборник произведений псковских писателей, Псков, 1999.

Автор идеи Ирена Панченко

Авторы выражают благодарность издательству «ГИС» (г. Москва) за содействие в издании книги.

**Технический редактор Е. С. Позднякова
Корректор Е. А. Пугачева**

Сдано в набор 7.04.99 г. Подписано в печать 19.05.99 г.

Формат 84×108^{1/64}. Объем 3,25.

Тираж 999. Заказ 1549

Великолукская городская типография
Комитета по средствам массовой информации
и связям с общественностью администрации
Псковской области,

182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12